

Вокруг безмолвье. Лишь порой шуршанье
Опавших листьев будит ветер где-то.
Царит повсюду лето увяданья
И смерти лето.

Джованни Пасколи
*Ноябрь**

Действительность требует
сказать и об этом:
жизнь продолжается дальше.

Вислава Шимборская
*Действительность требует***

* Перевод В. Сумбатова. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

** Перевод Н. Астафьевой.

ЧАСТЬ I

Два одиночества

В тот ноябрьский понедельник, когда Эмилия с отцом поднимались по горной тропе к каштановой роще, отделяющей Сассайю от остального мира, был День поминовения усопших, или, как его еще называют, День мертвых.

Риккардо все время думал о том, что эта крошечная уединенная деревушка — не лучшее место для начала новой жизни, во всяком случае не для его дочери, после всего, что ей пришлось пережить. Эмилия тем не менее шагала бодро и уверенно.

Небо в то утро было ослепительно синим. В воздухе, прозрачном после ночного дождя, было видно так далеко и на все ложился такой свет, будто никто не мог умереть и ничто не могло закончиться в этом девственном горном краю.

В действительности же здесь все давно закончилось. Разваливающиеся загоны для скота, часовня с Черной Мадонной, изуродованной ненастьями; отец и дочь делали вид, что не замечают запустения. Подъем был крутым, они шли молча. Столько лет они

ждали этого момента, что теперь боялись спугнуть его словами. На укрытой мокрыми листьями тропе даже шаги их были бесшумны. Только сердца у обоих гулко бились. Они прислушивались к этому звуку — звуку усталости, переживаний, страха, многократно усиленному тишиной, запутавшейся в ветвях, в корнях деревьев: я живу.

Время от времени останавливались, чтобы передохнуть. Их легкие жителей равнины отвыкли от гор. Раньше, когда-то давно, семья проводила здесь отпуска. Ломило спину, болели ноги, но на Сассайю не было других дорог — ни асфальтовых, ни грунтовых. Машину им пришлось оставить в Альме, последнем форпосте цивилизации, и, как прежде, идти пешком. Лет шестьдесят назад по этой тропе люди ходили часто, спускались в Альму купить молока или сигарет. А теперь редко кто отважится идти через лес. Кроме белок да сорок, тут не встретишь ни одной живой души.

Их мысли были о доме: в каком он сейчас состоянии? Риккардо заранее отправил одного дальнего родственника, человека надежного, разведать обстановку, и, конечно же, все проблемы вскрылись в последний момент. Старые котел и трубы могут не выдержать морозов. Есть печка, но ставни порядком обветшали, а это значит, в окна будет задувать ветер. К тому же электропроводку кое-где погрызли мыши.

Эмилия, как и следовало ожидать, не хотела откладывать переезд. Она твердила, что справится, что обо всем позаботится сама. Надежный человек Альдо к их приезду сделал все, что мог: прибрался в доме, заделал трещины, частично заменил проводку. Од-

нако, по его словам, нужно искать квалифицированного электрика. Так что их немного тревожила перспектива жить при свечах в деревушке, где нет даже уличных фонарей.

На полпути они присели на валуны, которые, казалось, были специально положены там для отдыха. Полуденное солнце добиралось до нижних ветвей, освещало редкие необлетевшие листья, падало на опавшие каштаны, полируя их, как жемчуг.

— Если не поленишься, килограммов десять точно наберешь, — сказал отец, кивая на каштаны. И добавил язвительно: — Может, и протянешь зиму, если тропу занесет снегом.

Ничего не ответив, Эмилия вытянула ногу, поддела носком ботинка мокрый ежик каштана.

— Тетя Иоле... — продолжал Риккардо, покачивая головой, — всю жизнь считала, что каштаны вкуснее хлеба. Помнишь?

Да, но Эмилия не хотела вспоминать. Только не о мертвых. А тетя Иоле умерла. Через несколько месяцев после “того случая”. От горя, как говорили.

Каково это, подумала Эмилия, *на самом деле* жить в доме, принадлежавшем тому, о ком ей не хочется вспоминать, где осталась его мебель, безделушки, скатерти. И ходить дважды в день по этой козьей тропе, в ее воспоминаниях — дорожке, по которой было весело прыгать в детстве, а теперь вдруг превратившейся в крутой подъем, по которому еле ползешь. Вверх и вниз, летом и зимой. За покупками, на поиски работы и на работу — если повезет найти, конечно. Реализуя мечты, ты осознаешь, что в них кроется обман.

— Ничего, привыкнешь, — отец как будто прочитал ее мысли, — зато ноги накачаешь. — Он засмеялся. — А если поймешь, что это безумство, как все считают, я за тобой приеду. Хоть завтра.

— Навряд ли.

— Менять решение отнюдь не слабость.

— Я так не думаю, — сухо отрезала Эмилия. — Я умею чистить трубы, могу стены покрасить. И плотничаю неплохо: сделаю себе на зиму сани.

На ее лице появилась вызывающая усмешка, которой она научилась там же, где выучилась строгать, пилить, врать как по писаному и рисовать идеальный пейзаж одним взмахом кисти.

— Я серьезно. — В голосе Риккардо слышалась тревога. — А если снегопад? Застрянешь здесь, мобильный не ловит... Альдо говорит, что сеть есть только в одном месте на кухне. Надо проверить... А если не получится позвонить, что будешь делать? Подавать леснику дымовые сигналы?

— Папа, — вздохнула Эмилия, — я жила без мобильного буквально до вчерашнего дня.

На деревьях висели ежики каштанов, которые никто не собирал. За деревьями возвышались скалы, лес простирался, насколько хватало глаз, и там, в лесу, окутанные тенью или освещенные холодным светом, разбросаны девять или десять деревушек, самой маленькой из которых была Сассайя.

Отец и дочь молча смотрели на каштаны. Вдруг Риккардо резко повернулся к Эмилии, и в этом порывистом движении как будто была надежда. В его усталом, но все еще красивом лице шестидесятилетнего мужчины она вдруг нашла забытое: опору, как в тот

день, когда он, держа за руку, привел ее в школу. Другие дети были без отцов, да и для нее это было необычно, ведь отец все время работал, даже в выходные. Однако — она поймет потом — он всегда был рядом.

*Что бы ни случилось, Эми... помни, я — твой отец,
а ты — моя дочь.*

— Ладно, — сказал Риккардо, вытирая глаза, — надо добраться до хибары, пока не стемнело.

Он подхватил вещи, оставив ей сумки полегче, и первым пошел по угрюмой горной тропе Страдаль-Форке, которую и отыскать-то было нелегко.

Последний раз они поднимались по ней почти двадцать лет назад.

Внизу, в Альме, их “вольво” с равеннскими номерами заприкрыли сразу. Не успели они припарковаться на площадке, обозначенной знаком “Р”, как Эмилия боковым зрением уловила легкую суматоху. Где-то ставни внезапно закрывались, где-то оставались приоткрыты. Возможно, просто “паранойя”, как говорил отец. Но когда они выбрались из машины, из продуктового магазина вышла грузная женщина в фартуке и уставилась на них тяжелым взглядом. Она не поздоровалась.

Потом, когда пришлось спрашивать дорогу на Сассайю — тропа не отмечена на картах, не обозначена на указателях, а они не могли вспомнить, где она начинается, — двое единственных встреченных местных посмотрели на них так, что Эмилии стало

не по себе. Один просто прошел мимо, ничего не сказав, но зыркнул недоверчиво, будто узнал их. Другой что-то ответил на диалекте, глотая гласные, из чего было понятно лишь одно: чужим здесь не рады.

Впрочем, ничего удивительного, ведь туризм в долине не развит, и если вы сюда приехали, значит, связаны с этим краем родственными узами, а незваным гостям тут не место.

Чемоданы и туго набитые сумки свидетельствовали о том, что Эмилия с отцом прибыли сюда надолго. Однако их связь с этой землей давно ослабла, да и лучше о прошлом не вспоминать — пойдут слухи, сплетни, людям только повод дай.

И одеты Эмилия с отцом не так, как принято в здешних краях. Эмилия, хоть и вышла из подросткового возраста, выглядела как подросток: поношенные джинсы, фиолетовые ботинки-мартинсы, зеленая блестящая куртка. Риккардо походил на персонажа детективного романа Сименона: элегантное серое пальто, отутюженные брюки, кашемировый жилет. Ничего общего с местными — говорящими на грубом диалекте угрюмыми бородатыми стариками в наваленных на глаза фетровых шляпах.

Эмилия обвела взглядом единственную в городке площадь, постепенно узнавая ее. Она бывала здесь в детстве, когда приезжала на лето к тете и ходила с ней за покупками и на религиозные праздники, которые, она помнила, отмечали в ресторане “Березки”. От него осталась лишь вывеска, а вот магазин работал, там продавалось все — от хлеба до хозтоваров. Уцелел и бар “Самурай”, служивший также газетным киоском и табачной лавкой. За ним находилось почто-

вое отделение, оно, как гласила вывеска, было открыто по понедельникам, средам и пятницам с 8:00 до 12:00. Замыкали круг церковь, мэрия и школа.

И все.

“Какого черта я здесь делаю?” — столкнувшись с реальностью, спросила себя Эмилия.

Ей не нужен был ни Бог, ни школа, ни тем более газеты. Разве что сигареты. Эмилия достала одну из лежавшей в кармане пачки. Крепко затянулась, потому что ей стало страшно. Она придерживалась железного правила: никогда не отступать от своих слов. Иначе — позор. Отцу про это ничего неизвестно: он никогда не связывался с плохими компаниями, а она испытала все на собственной шкуре.

Пока Риккардо расспрашивал дорогу, Эмилия подошла к окнам “Самурая” и заглянула внутрь через матовое стекло. Посетителям, увлеченным игрой в карты, на вид было от шестидесяти до девяноста лет. Ей вспомнились слова Марты:

Подумай о парнях, Эмили. О куче парней!

Коллекционируй! Зачем тебе отношения?

Будем просто трахаться то с одним, то с другим!

Она улыбнулась. “Видела бы ты этих парней, Марта!”

Мимо проходил пастух с отарой овец и собаками. Он и показал Риккардо каменные ступени, вросшие в землю между баром и магазином, скрытые зарослями кустарника и сухой гортензии. Если не знать, заметить их невозможно.

Меж каменных ступеней буйно разрослась крапива. Казалось, она преграждает путь безумцам, ко-

торые, как Эмилия, думают, что смогут здесь жить. Это место отвергало ее. Не признавало тех, кто молод и жив. Большинство домов здесь забыты и пусты. Но в этом все и дело, не так ли?

На последнем отрезке пути Эмилия решила не думать о том, что она видела внизу, в Альме, и о том, как устали ноги, а полагаться лишь на свое пусть и горькое, но верное чутье. Вентури правильно сказала: “Мы не властны над своими желаниями, нужно найти в себе мужество прислушаться к ним”. И она прислушивалась, сеанс за сеансом, таблетка за таблеткой. Она твердо держалась за свое желание переехать в Сассайю, даже когда Вентури, стерва, выдала:

— Эмилия, с твоим прошлым лучше выбрать большой город, мегаполис, где можно затеряться в толпе. В деревне тебя будут осуждать.

— Уже некому, — возразила она, — все умерли.

— Тем более. Ты хочешь жить с мертвецами? Если да, то это очень тревожный знак.

“Да пошла ты”, — мысленно ответила ей Эмилия, встала и ушла. Вопрос был паскудный, а Вентури, по выражению Марты, “фригидная дура, у которой в жопе кол”. Тогда почему Эмилия все еще думала об этом?

Эмилия пыхтела, Риккардо тоже тяжело дышал. Казалось, тропа никогда не кончится. Трудно поверить, что она вела к домам, где кто-то еще жил. Неожиданно перед ними появилась истертая табличка, на которой черными буквами было выведено:

САССАЙЯ, РАЙОН АЛЬМЫ

И горстка ветхих домов из ее повторяющегося сна вдруг материализовалась. Сложенные из камней, с черепичными крышами, они теснились, жались друг к другу. Солнце освещало их так ярко, что казалось, будто на дворе июнь, а не ноябрь. В этом свете даже горы казались новыми. Возможно, она и сама могла бы стать новой. А Вентури — лишь воспоминание, рассеивающееся, как и все остальное.

Потому что здесь наконец-то наступило *потом*.